

Калиниченко Ольга

Маньчжурия 1945
ВОЙНА.
ЗОЛОТО.
ЛЮБОВЬ.

Ольга Калиниченко

**Маньчжурия 1945:
Война.Золото.Любовь**

«Автор»

2025

Калиниченко О.

Маньчжурия 1945: Война.Золото.Любовь / О. Калиниченко —
«Автор», 2025

Описанная в книге история произошла в 1945/47 годах, после освобождения Маньчжурии и назначения комендантом ключевой территории молодого боевого офицера Ивана Баринова. Село Сидоровка, основанное казаками атамана Семенова, контролировало все пути региона и как оказалось, являлось «сейфом золотого запаса Колчака». Атаман Семенов вывез золото, доверенное ему Колчаком на хранение, после поражения в гражданской войне. Староста села оказался по совместительству «правой рукой» атамана. Дочь его, барышню благородного воспитания и редкой красоты, полюбил новоиспеченный комендант Иван Баринов. Брат девушки, управляющий бизнесом семейства, готовит золотой запас Семенова к вывозу в Японию. Все сплелось в гремучий клубок в некогда спокойно дремлющем, зажиточном селе. Молодой комендант с помощью сослуживцев превозмог все интриги, победил в битвах и с честью отстоял интересы своей страны. Книга основана на биографии, и посвящается боевому офицеру Ивану Баринову.

© Калиниченко О., 2025

© Автор, 2025

Ольга Калиниченко

Маньчжурия 1945: Война.Золото.Любовь

Для большинства май 45-го ассоциируется с Великой Победой, грандиозными салютами и всеобщим счастьем – Война завершена! Лишь те, кто сопричастен к событиям на Дальнем Востоке и битвам с японцами осознают, что 9 Мая далеко еще не конец Войны ...

Памяти боевого офицера Ивана Барина посвящается.

Глава I.

Тайга отряхивала с себя звуки войны всеми своими кедровыми ветвями, как собака, выходящая из воды. Прошедший ливень смыл остатки животного ужаса. Последние звонкие капли, сверкающие на солнце, отменили катастрофу окончательно. Даже трусливый заяц поверил, что все наладилось.

Вдруг зарычал тигр. «Откуда он взялся?» – на секунду опешил заяц. Одним прыжком, он скрылся в нору спасать своих наследников.

На опушку вылезли рычащие «студебеккеры», ошетилившиеся оружием и людьми, следом прокрались, «виллис» и «додж 3/4».

Тайга насторожилась, помня, что от людей одни беды.

При этом каждое дерево старательно и непосредственно демонстрировало солдатам легкомысленное равнодушие к происходящему. Издеваясь, громко забарабанил в стиле автомата дятел. Звери ухмылялись, видя, как солдаты быстро рассыпающимся горохом попрятались по кустам.

Все замерли... Немая сцена из гоголевского «Ревизора» была сыграна на высоком Мхатовском уровне.

Картину отсутствия всякого присутствия нагло нарушал столб серого дыма, торчащий над кронами деревьев, как хвост мартовского кота.

«Не подвела трофейная карта! Вывела-таки потаенная лесная дорога к Сидоровке» – хитро прищурился, размышляя удовлетворенный замкомвзвода старшина Прокопчук.

Федор Буранов, залегший рядом с комвзводом Бариновым, горячо зашептал в ухо лейтенанта: «Хлеб пекут, похоже, пекарня крупная, раз дым такой пахучий, что за полверсты учуять можно». Голодный командир судорожно сглотнул слюну. Взвод пробирался к Сидоровке спешно, тайно, без привалов вторые сутки. Иван разделял чаяния полковника, назначившего лейтенанта Барина комендантом Сидоровки: быстро взять под контроль и удержать ситуацию на оккупированной территории Маньчжурии с наименьшими потерями. Поэтому гнал Иван вперед своих «орлов» без сна до самого поселения, на ходу перекусывая ленд-лизовой тушенкой с сухарями.

«Федь, сдай командование своим отделением Ельцовым. Пойдешь с разведкой в село, перед возвращением заверни в пекарню, ребятам хлеба захвати – на все даю тебе два часа» томным от усталости голосом отдал приказ Барин.

Лейтенант обернулся к командирам отделений братьям Ельцовым: «Выставляйте карульных. Не курить и костры до возвращения разведки не жечь. С наступлением сумерек «без

барабанной дроби» входим в Сидоровку. Старшину ко мне». Поискав глазами ординарца Петюню, командир жестами объяснил ему, что бы тот даже не пытался закурить, если хочет жить.

Степан появился быстро и бесшумно. Это умение Прокопчука не раз спасало ему жизнь в Сталинграде. Лейтенант зашептал старшине, крутившему по привычке седой казачий ус: «Я Федора одного в Сидоровку послал – поселение тихое, глубинка таежная. Ребят пожалел, все устали, с ног валятся. А сейчас что-то гложет внутри. Да и в штабе предупреждали, что в Сидоровке могут быть бывшие «Семеновцы». Говорят, осели здесь с гражданской войны. Ты же двуличный, выручай. Подстрахуй Федора. Пойдешь через десять минут. Иди так, чтобы он не заметил, это важно»

Прокопчук, в очередной раз, удивившись прозорливости молодого лейтенанта, ответил: «Как скажешь, командир. Конечно, Федор следопыт знатный, но и я не пальцем сделан. Скрытно, значит, скрытно». Степан уважал умения и опыт разведчика Буранова, выросшего в Парме. Но недолюбливал его, все-таки кулацкий сын, «контра недобитая». В свое время Прокопчук, организуя колхоз на Брянщине, без жалости ссылал кулаков к архангелогородским поморам. Комвзвода знал это, поэтому был спокоен, что старшина сделает все в лучшем виде. Ретивость Федора насторожила его.

Глава II.

Федор примерно понимал, где находится село. И все же Сидоровка открылась ему внезапно: нависла с крутогорья лабазами и стогами сена над таежным буреломом, из которого он выполз, нещадно покусанный мошкой.

Разведчик замер, вслушиваясь в звуки мирной жизни поселения: даже брехня сторожевых псов была непривычно дружелюбной для уха воина.

Сержант залюбовался открывшейся картиной: родным духом повеяло. Глаза отказывались верить, что он в Маньчжурии. Чужбина в одну секунду превратилась в родное село Пермского края. Даже избы смотрели на него окнами, наличники которых были близнецами «завитушек, петушков и крестов» его дома в Бураново. Дома, отобранного комиссарами в далеком 33-ем году.

Солнце по-королевски достойно стало собираться на покой. Скоро сумерки, отметил разведчик, надо работать.

Резкий как искра, блеск, возникший у двери амбара, заставил Федора вжаться в землю. Он был похож на солнечный блик окуляра снайперской винтовки. Всмотревшись, солдат остолбенел. Из травы, в луче солнца, нагло блестел всем своим богатством слиток золота.

Старшина сторожко, из таежного бурелома, разглядывал симпатичную Сидоровку, вольготно раскинувшуюся на взгорье у реки.

Поведа биноклем к горизонту, Степан разглядел туманные скалы Хингана, за которым недалеко и до Монголии.

Границы как таковой здесь не было никогда.

Жители спокойно, как весенние ручейки перетекали из Китая в Монголию и обратно, по пути забредая в русскую часть Маньчжурии. Так было всегда, при любых правителях и катаклизмах. Все это делало маленькую, но стратегически важную Сидоровку значимым военным объектом.

Селение поразило Степана своей глупой внешностью: русские избы перемежались с юртами маньчжуров и своеобразными китайскими домиками. Дворов сто – решил старшина. С удовольствием отметил на возвышенности у реки православную деревянную церковь по –

имперски венчавшую разношерстный хоровод дворов. Прокопчук свято верил в две вещи: в Бога – это от предков, и в коммунизм – это из любви к справедливости.

Две полярные веры мирно уживались в нем, делая его неуязвимо стойким в любых передрягах судьбы.

М-да! Могучие амбры закрыты накрепко, – отметил хитрован Прокопчук – это не свойственно таежным жителям. Похоже, урожай сняли знатный, готовятся торговать с монголами на лошадей – услужливо подсказал сметливый ум завхоза и снабженца взвода.

Опытный глаз крестьянина разглядел за пекарней, ближе к фермам – сыроварню и винокурню. Хорошо живут! – порадовался за жителей и одновременно солдат «баринковского» взвода старшина, довольно ухмыльнувшись в ус.

«Ох, какие крали!»– Прокопчук неторопливо разглядывал сочные колени баб, под заткнутыми за фартуки подолами. Женщины несли от реки ведра на коромыслах и стиранные беленые холсты.

Пора поменять ребятам портянки, решил Степан.

Ну что ж, не плохо! Не плохо можно устроить быт во всех мужских отношениях.

Старшина удовлетворенно крякнул.

Комендатуру лучше разместить в двухэтажном, деревянном доме в центре Сидоровки, решил Степан подсказать лейтенанту Баринovu. Тем более что грамматика написания вывески «Трактир. Постоярый двор» с головой выдавало происхождение владельца хоромов.

Ничего, потеснится «контра азиатская», куда же денется после капитуляции.

Ёшкин кот, где же Федор – вспомнил Прокопчук, поведя биноклем по околице села.

Мощный блик от двери амбара заставил старшину насторожиться. А вот и Федор! Напротив, в схроне лежал разведчик, изучавший тот же оптический эффект. Увеличив резкость окуляров, Степан обомлел: памятное с 30-х годов клеймо в виде двуглавого орла и надпись «Au 99,99» императорского казначейского дома гарантировало породистость золотого слитка, небрежно валяющегося в траве.

Во как! Неплохо началось освоение вверенной территории! Так же, видимо думал и Федор, с отвисшей губой гипнотизирующий слиток.

Из резко открывшейся двери лабаза сначала показалась кудлатая, смоляная макушка, скорее цыганского, нежели китайского мужика и увесистая волосатая лапа утащила слиток внутрь амбара.

Страхнув остатки оцепенения от увиденного золота, Прокопчук развернулся в сторону взвода.

Когда лейтенант Баринov слушал разведчика, он уже знал от старшины про золото. Федор докладывал подробно, отмечая все мельчайшие детали увиденного поселения. Даже не к месту упомянул необычную статную красоту барышни с пекарни, легко и небрежно давшей хлеб для солдат. Про слиток золота не обмолвился ни словом.

Интересное кино, странно – про себя отметил Иван. Поведение сержанта настораживало его все более.

Неужели-таки решил к «Семеновцам» уйти? В Союзе его никто не ждет и ничто не держит. А здесь «гуляй – поле». Анархия и безвластие милые норову разведчика, могли подвигнуть того на предательство. Размышлял комвзвода, уставившись в переносицу Федора.

Глава III.

Отдав приказ взводу выдвигаться в сторону Сидоровки, Баринov сел в командирский «виллис». Заскучавший от безделья, ординарец Петюня, с места рванул машину вслед за колонной. Лейтенант мог себе позволить спокойно осмыслить ситуацию. В передовых

«студебеккерах» находились близнецы Ельцовы. Егор и Григорий давно были признаны лучшими снайперами Дальневосточного фронта. Братья, выросшие в таежном лесничестве под Иркутском, скорее всего, начали говорить и стрелять одновременно.

Такое воспитание мальчиков было жизненно необходимым, с момента появления там русских людей. Можно было быть уверенным, что любая возникшая угроза будет ликвидирована моментально. Замыкал колонну «додж» старшины Прокопчука. Ему Иван давно доверял как самому себе. Командир знал, что старшина при внешнем соблюдении субординации, числит его сыном. Степан всячески опекал Ивана в быту. Он не раз своим боевым и жизненным опытом спасал жизнь и авторитет лейтенанта в начале офицерской карьеры. Старшина в душе надеялся, что и его троих сыновей, находящихся на Ленинградском фронте, кто-то поддерживает.

Ситуация вырисовывалась нервная и непредсказуемая. Несмотря на молодость, Иван обладал «чуйкой» от природы, что свойственно всем смоленским.

Мужчины, родившиеся на Смоленщине, отличались спокойным нравом, мощным духом и интуицией основанных на военном опыте всех поколений Смоленска. Издревле, пограничная крепость Смоленск являлась форпостом Земли Русской. Веками мужчины, рожденные здесь, защищали не только свои семьи. Они были западными гарантами спокойной жизни и продолжения рода всех россиян.

В сорок втором году, на последнем курсе военного училища, Баринов рвался в Сталинград. «Ты последний в роду, учись, придет время – поедешь служить на Дальний Восток» – охладил пыл старший брат Давыд. В тот период он был уже боевым генералом. Послушание лейтенанта было вызвано не только шестнадцатилетней разницей в возрасте. Вся семья давно содержалась и управлялась генералом. Иван окончил училище. Умудренный опытом брат, используя свои возможности, отправил молодого лейтенанта на резервный Приморский фронт. Генерал был прав: похоронок с Дальневосточного региона действительно приходило на порядок меньше. Но, каких нервов и здоровья стоили титанические усилия, всех бойцов на восточных рубежах родины – знают только те, кто присутствовал там.

Главная миссия: сохранить мир и обезопасить Советский Союз от войны на два фронта. Это была информационная война, противостояние, основанное на интригах разведок, диверсиях и мелких, но частых приграничных конфликтов. Поэтому в сорок пятом году наши воины гнали японцев из Маньчжурии с азартом, застоявшихся скакунов.

Война закалила и сформировала лейтенанта. Двадцатипятилетний Иван стал не по годам опытным боевым офицером.

Обдумав ситуацию, Баринов пересел в «додж» Степана. До въезда в Сидоровку он принял окончательное решение. Прокопчук полностью разделял сомнения лейтенанта

по поводу формирующейся лидерской группы взвода в лице братьев Ельцовых и Федора. Сибиряков роднил их свободолюбивый нрав и природная мощь.

Все это могло привести к разброду и шатанию в головах солдат взвода. Оба командира были уверены в близнецах в военной обстановке: разделение свой – чужой мобилизует русских лучше любого политрука. Но в обозримом будущем взвод ждала сытая, мирная жизнь, обещающая женские заботу и ласку. Будущий комендант Сидоровки понимал, что командиры отделений должны беспрекословно ему подчиняться и быть монолитом, удерживающим дисциплину и власть на территории.

На границе села дорогу колонне лихо преградил командирский «виллис».

«Петюня, найди Ельцовых, передай колонне стоп, братьев срочно ко мне» – отдал приказ ординарцу Баринов и кивнул старшине, приглашая пройти.

В ту же минуту грянул тревожный колокольный набат, собирающий народ к церкви.

Степан улыбнулся лейтенанту: «сбор населения для ознакомительной встречи идет полным ходом». Так и беседовали четыре командира под колокольный звон, что придавало привкус пафоса, зато гарантировало отсутствие «лишних ушей».

Прокопчук в красках поведал близнецам о найденном Федором золоте. Вот такая «картина маслом» – закончил старшина рассказ.

Ельцовы поняли все сразу и правильно. С доисторических времен, задолго до войн великого Александра Македонского сложилось неписаное правило: лучшие трофеи солдаты несли командирам. Федор, в данной ситуации, повел себя как «крыса». В военной обстановке за такое могли похоронить. Если Баринов и Прокопчук рассчитывали сдать золото государству, получив законные 25 %, то мысли Ельцовых о присвоении золота, не совпадая глобально, не отменяли тяжкой вины Федора. Мы все прекрасно знаем, как русские умеют дружить против кого-либо. Все вернулось на круги своя, понял комвзвода. Судьбу золота и Федора решили обсудить позже.

Глава IV.

«Трогай!» – дал команду лейтенант и махнул рукой в сторону Сидоровки. Колонна неспешно вползала в село, которое уже кипело эмоциями, как котелок на костре.

Все сопровождалось невиданным звуковым рядом на основе все того же колокольного набата. Какой упертый звонарь! – отметил Егор Ельцов. Он неосознанно посмотрел на колокольню в окуляр снайперской винтовки – чем вызвал усиление женского воя и детского плача. В какофонии, в стиле Шнитке, кроме этого, были слышны: разноголосый старательный лай сторожевых собак, мычание, блеяние, ржание, при этом куры соревновались с петухами в силе голоса. Сидоровка встретила комендантский взвод с африканским темпераментом и испанской страстью.

Надо отметить, что мужики, делегировав полномочия священнику: встречать чужаков, тихо растворились, скорее всего в тайге.

М-да, почесал затылок старшина: непростое поселение досталось нам.

Из дверей церкви вышли батюшка с «хлебом-солью» в руках и шустрый звонарь со штофом и лафетными рюмками на подносе.

Комвзвода опешил. «Идем, пригубим по рюмочке» – потянул его за рукав Степан.

«Надо настраивать отношения с местным населением» – шепотом продолжили близнецы.

Четверка командиров, во главе с лейтенантом, по офицерски чеканным шагом, красиво подошла к священнослужителям. Военные достойно выполнили русский ритуал встречи.

Тем самым, сразу же расположили к себе женскую часть общины села, в независимости от национальности. Уловив момент, Баринов срочно изобразил открытую улыбку на симпатичном русском лице. Женщины синхронно, тихо и восхищенно вздохнули.

В женском вздохе присутствует мистика: легкий и невесомый, как пух, он успокаивает сразу и надолго: как детей, так и мужчин. Казалось, что марево напряжения, висевшее над селом, исчезло. Лейтенант воспользовался тишиной и произнес краткую, эмоционально выверенную речь о целях и мирных намерениях прибывшего взвода.

Речь комвзвода успокоила сельчанок окончательно, они заулыбались. Женщины уже мысленно выбирали, стреляя глазками по строю солдат, кого они возьмут на постой.

Иван не знал, что он тоже выбран, правда, не на постой, а в мужья.

Да, да, только так и никак иначе! – решала свою судьбу, стоявшая в толпе Люба Ванюшина.

Лейтенант почувствовал пристальный взгляд и начал искать его источник. Сделал он это быстро и обомлел. Никогда прежде он не видел таких красавиц. Словарный запас офицера,

скупой на эпитеты, не мог выразить всех эмоций, прочувствованных в доли секунды Бариновым.

В результате в голове лейтенанта пульсировала лишь одна мысль: «Эта женщина должна быть моей». Люба обладала природной, необузданной красотой сибирских казачек, над которой веками трудились представители многих наций. Шarm добавляли независимая стать и отсутствие страха, как такового. Она выросла защищенная и опекаемая мощным отцом и четырьмя братьями.

Офицер, в свою очередь, поразил ее своей неместной внешностью и шикарным обликом. Девушка видела такую форму только на фотографиях своего отца, сохранившихся со времен первой мировой войны.

Страхнув с себя оторопь, комвзвода занялся размещением взвода в селе.

Братья снайперы, с нарисованным тут же мандатом, ринулись экспроприировать часть трактира под комендатуру, согласно законам военного времени. Бедный владелец, местный китаец Саса ничего не подозревая, в лес не ушел. Он находился в рядом стоящей лавке, торгующей всем и вся, и проводил ревизию, ругая на смешном русском своих приказчиков. Он был так увлечен процессом вскрытия воровских схем своих продавцов, что не обратил внимание на шумиху вокруг. Лицо Сасы по-европейски побледнело, когда через окно он увидел двух вооруженных амбалов в военной форме, поднимающихся на крыльцо, находящегося напротив, его любимого трактира.

Тем временем, как истинный дипломат, старшина Прокопчук вел тайные переговоры с батюшкой. Сидя в его доме за столом с самоваром, он от души нахваливал пирожки и ватрушки раздумавшейся матушки, расположив к себе священника окончательно. Тайны «Сидоровского двора» открывались постепенно, как пасьянс пожилой дворянки. Информация была такова, что стоила той неспешности, с которой Степан умело получал сведения о ситуации в селе и характеристики на основных авторитетов Сидоровки. Священник бледнел, краснел, но не смел врать, согласно сану. Кроме того, Степан расположил его теософическими знаниями и батюшке ох как не хотелось терять столь приятного собеседника. К концу разговора, батюшка не заметил, как был завербован старшиной окончательно.

Насыщенная событиями жизнь забурлила в Сидоровке разом и надолго, подобно только что вскрытой артезианской скважине. Село заснуло под утро.

Глава V.

Солнце с трудом пробивалось сквозь гроздь пацанских голов с приплюснутыми к стеклам окон носами, в отвоеванное у Сасы помещение комендатуры.

Ординарец Петюня не смог разогнать мальчишек. Не в силу небольшой разницы в возрасте, а из солидарности. Он помнил, как притягателен вид мужчин в военной форме, для стремящихся быстрее повзрослеть подростков. Петюня сбежал на войну в сорок первом из Одесского детского дома, подвигнув на это пару друзей. Им было по тринадцать лет. Пацанов через неделю выловили под Москвой и отправили в тыл вместе с эвакуированным московским детдомом. В Нижнем Тагиле Петюня искренно трудился, делая снаряды для танков, что не мешало ему строить планы по прорыву на фронт. В сорок третьем он смог добраться аж до Перми. Будущий ординарец на бегу уткнулся в шинель Баринова, когда удирал между эшелонами от военного патруля.

«Дяденька, спасите» – упал на колени Петюня, и лейтенант не смог отказать. Иван быстро закинул пацана в ворота вагона прямо в руки Прокопчуку. Баринов только что принял командование над вновь сформированным взводом, отбывающим на Дальний Восток: согласно предписанию в одну из частей резервного Приморского фронта. Позже, все трое смеялись над полу-

детективной историей оформления Петюни на довольствие. А тогда было не до смеха. Молодой офицер чуть не лишился звания, но с честью отстоял право юноши, будто бы найденного в тайге, быть в составе взвода. Ординарец безмерно ценил это и был предан Ивану до донышка. Старшину же держал за вечно ворчащего деда, но уважал, зная каким авторитетом Степан является для Барина.

К трактиру строем подошли солдаты первого отделения. Командир отделения сержант Буранов бодро вскочил на крыльцо, но был остановлен Петюней. Ординарец покосился на томящегося в тени Сасу и сурово нахмурив брови, сообщил Федору: «Совещание, посторонних впускать не велено». Разведчик удивленно сдвинул фуражку на затылок

и резко сказал: «Петь, ты в своем уме? Меня вызывали. Иди доложи о прибытии отделения». В кабинете командира над картой, как шаманы колдовали Прокопчук с близнецами. Лейтенант сидел рядом на диване в образе «Чапай думу думает».

А подумать было о чем. Утром из тайги спешно вернулись охотники, ушедшие накануне на неделю за дикими козами. Причем пошли не по домам, а всем скопом ринулись во двор местного богатея и главы общины Гаврилы Ванюшина. Заседали у него до полудня, доложил Прокопчук Ивану, добавляя, что информация из верных рук.

Как оказалось у Ванюшина тоже есть взвод, вернее «дружина». Человек тридцать вооруженных до зубов таежных охотников из «семеновцев». Нужно сегодня же добиться встречи с Гаврилой – думал –Барин, и вспомнил о Сасе. Прокопчук рассказывал лейтенанту, после посиделок с завербованным батюшкой, что Саса и Гаврила являются столпами местной общины. Их взаимовыгодный совместный бизнес с монголами через Ванюшина и китайцами Сасы служил гарантией «дружбы народов» и достатка всех жителей Сидоровки. «Степан, тянуть дальше некуда, посылай Сасу переговорщиком к Ванюшину, пусть договорится о встрече, в удобном для Гаврилы месте. Такого глупо в комендатуру вызывать». Прокопчук, почесал затылок и резюмировал: «Саса, как клещ с утра вцепился, дай ему бензин и все тут, а провизии взамен мало дает, дак я его сейчас мариную. Пожалуй, я лучше батюшку пошлю.

А встречу вечером у реки предложим – меньше посторонних глаз».

«Добро, посылай Петюню к священнику» – утвердил предложение старшины

Барин. Петюня, легок на помине, влетел в кабинет. «Когда стучать научишься» – одернул его Григорий Ельцов, поведя могучими плечами.

Но Петюня не отреагировал на замечание, свято веря, что командовать может лишь один человек – лейтенант Барин.

«Прибыл Буранов со своим отделением, говорит вызывали на после обеда» – выпалил ординарец Ивану. «Зови» – приказал комвзвода.

Ельцовы выпрямились, хищно улыбувшись. «Кто с ним пойдет в амбар пакгауз организовывать?» – спросил Егор. «Оба пойдете, если что, «пашкой не махать», один из вас бегом в комендатуру» – приказал Барин – «Степан, чей это амбар?». Сведущий Прокопчук доложил: «Агриппины-вдовы. Помогает Любе Ванюшиной в пекарне. Любовница ее старшего брата Василия. Проблемы могут возникнуть, уж очень крутой покровитель, могут в амбар не пустить».

«Получается это Василий золото в амбаре прятал? Теперь понятно откуда дровишки. Поступаем как решили. Иногда провокация только в помощь – двух зайцев убьем: реакцию Ванюшина увидим, да и Федора на чистую воду выведем. Все, работаем» – Барин встал, закурил и все поняли приказ обсуждению более не подлежит.

Вошедший Федор не успел доложить, Егор приобнял его за плечи, оскалил в улыбке зубы и шепнул: «Пойдем, дорогой, не будем мешать совещающимся».

Глаза Григория смотрели, не мигая и пронзали Федора насквозь. Буранов хребтом почувствовал тревогу. Ему показалось, что взаимная симпатия близнецов к нему испарилась, как

утренний туман. «Что ж, пойдёмте» – облизнув губы, только и смог вымолвить разведчик и шагнул в дверь. Он чувствовал себя, идущим на расстрел, ноги стали ватными.

Оставшись в вдвоем, старшина и лейтенант продумывали «вторую часть Марлезонского балета» -переговоры с Гаврилой о ненападении, взамен сохранения его статуса.

Глава VI.

Любаша, после ареста Груни в пекарне бандой бариновских «головорезов» бежала в комендатуру. Куда ее повели, она даже думать боялась. Вслух чертыхаясь и репетируя обвинительную речь, Ванюшина решительно подошла к трактиру.

Она негодовала: как мог ее избранник поступить так жестоко с беззащитной восемнадцатилетней женщиной. Относительно беззащитной, сделала она поправку.

Любовь знала, что старший брат Василий опекает Агриппину и ее годовалого сына, особенно после исчезновения мужа подруги. И пусть односельчанки сплетничали, что это Василий сгубил Архипа в тайге, а сын копия Васька, сестра в это не верила. Васенька помогает Груне по доброте душевной, все-таки вместе выросли. В глазах Любы старший брат был, не смотря на таежную жизнь, настоящий джентльмен, благодаря воспитанию матушки. Мама, до встречи с отцом, служила гувернанткой, воспитывая сына тобольского чиновника высокого ранга. Евдокия была сиротой и эмигрировала после революционных потрясений с семьей чиновника, прикнувшегося к Колчаку, в Маньчжурию, где встретила и полюбила Гаврилу.

Конечно, как воспитанная барышня, Люба обратилась бы к брату о защите подруги, но Вася отсутствовал. Он был послан отцом к монголам для обмена зерна на лошадей. Остальные братья ушли на дальнюю заимку готовить дома для работников на период сбора шишки.

При этом она даже не подумала искать помощи у отца, зная его непонятную неприязнь к Агриппине. Выход был один, идти к господину офицеру, который по ее пониманию мог и не знать, что вытворяют его подчиненные. Она очень хотела в это верить.

Петюня влетел в кабинет Барина красным, как рак. Запинаясь, доложил: «Там красотка сумасшедшая прибежала, ногами топает, голосит, как сирена, требует к вам пропустить».

Степан посмотрел на Ивана, который с чего-то вдруг побледнел, и моментально просчитал, кто это может быть. «Приглашай» – скомандовал он Петюне и стал спешно сгребать бумаги в свой планшет. «Пойду, прогуляюсь до батюшки, думаю о встрече с Ванюшиным мне лучше самому договориться. Петюня, чего стоишь, иди чайку организуй, можешь взять сахар и шоколад из НЗ.С барышней будь вежлив, дочь Ванюшина, а нам с ним необходимо мирно жить.» – распорядился Прокопчук, взамен окаменевшего Барина, с интересом разглядывающего пустой лист бумаги.

Петюня, обалдев от состояния любимого командира, бросился выполнять распоряжения старшины. Оставшись один, лейтенант вскочил, как ошпаренный, зачем – то подбежал к двери, замер и решительно направился к столу, где принял позу обремененного заботами отца – командира. Когда в приоткрывшуюся дверь, несмело вошла притихшая Люба, а следом Петюня с подносом, Иван изображал чтение важного документа, разглядывая все тот же пустой лист бумаги. Петюня, накрывал стол командира к чаю, не понимая ситуации, он отлично подыграл командиру, используя весь свой природный одесский артистизм. «Слушаю Вас», – поднял глаза Барин. Петюня поклонился, пододвинул к столу стул и великосветски добавил: «Присаживайтесь, барышня». Ординарец браво щелкнул каблуками и тихо исчез, плотно прикрыв дверь.

Лейтенант был уверен, что Петька сейчас прилип ухом к двери, но при этом знал, что он грудью ляжет, но в кабинет никого не пустит. Иван наливал чай молча, давая оробевшей красавице время прийти в себя. «Угощайтесь, Любаша» – Барин подвинул блюдце

с шоколадом к смутившейся девушке. Ванюшина обомлела, от того с какой нежностью произнес ее имя господин офицер и растеряла воинственный пыл окончательно.

Изредка бросая взгляды на красавца лейтенанта, она вдруг стыдливо поняла, что ей не хочется заступаться за подругу. От растерянности стала медленно пить чай и лихорадочно думать, как, не опозорившись, ретироваться и при этом соблюсти «лицо». Любовь вспомнила, как ворчал отец, из-за того, что она бесплатно дала хлеб для взвода.

«Если еще раз обратятся, посылай ко мне, будем договариваться о длительных поставках» – вынес вердикт немногословный Гаврила. Скромно потупив взор, Люба озвучила предложение своего отца. «Конечно так и сделаем» – с легкостью согласился Баринов.

Он видел, что «буря в стакане» миновала и есть вероятность продолжить приятное знакомство.

«Люба, мне стало известно, что при пекарне есть прачечная и баня. Что нам необходимо сделать, чтобы воспользоваться вашими услугами» – ласково спросил Иван, тоном, свойственным скорее приглашению на свидание, чем деловым переговорам. Девушка сердцем поняла, что мила господину офицеру. Ее лицо расцвело озорной улыбкой, и Баринов понял, он пропал окончательно. Влюблен и сделает для Любаши все, что она пожелает, лишь бы она стала его женщиной. Лейтенант ощущал легкую истоми, в груди щемило, а глаза стали влажными. Он был обескуражен не свойственными ему

сантиментами и при этом в один миг осознал, он счастлив. Он почувствовал, Любовь тоже влюблена в него и улыбнулся в ответ. «Надо же, Любовь Ванюшина, не отнять и не прибавить» – радостно подумал Баринов о том, что красавица с рождения была названа правильно, как будто предназначена для него.

«Нужно дрова забрать с просеки у сопки. Вряд ли папа позволит из заготовленных на зиму брать. У вас грузовик есть, пару солдат возьмите, а я вам дорогу покажу. Воду носить сами будете, не забывайте порядок наводить. А так, что – пользуйтесь на здоровье.

Работники уезжают на дальнюю заимку, сбор шишки начинается. Баня в вашем полном распоряжении.» – девушка зарделась, обнаружив, что командир внимательно ее разглядывает. Иван решил «брать быка за рога». Он предложил поехать за дровами

с утра, на следующий день. Расставались они взаимно довольными, так как интересы обоих, по сути, разные, слились воедино.

Глава VII.

Прокопчук вышел из комендатуры. Он не ожидал встретить терпеливого, как сфинкс, Сасу с тоскливыми глазами замершего у дверей собственного трактира. Визит к батюшке откладывался, нельзя было даже подумать, что китаец отстанет от него.

Старшина вздохнул и обрадовал Сасу: «Ну что родимый, пошли к Гавриле прогуляемся, там все и решим окончательно.» Хозяйственный Степан на ходу додумывал гениальную схему трехстороннего товарообмена, скрепляющую коммерческой выгодой, политический союз между Бариновым и хозяевами Сидоровки. Дружной парой подошли они к крепким кедровым воротам усадьбы Ванюшина. Высокий, жилистый Прокопчук и низкорослый,

Саса выглядели вместе настолько комично, что хохот скучающей охраны не заставил себя ждать. Следом включились сторожевые псы и напуганная лаем вся животиная усадьбы Ванюшиных. «Да что это такое!» – ругнулся старшина. Ритуал встречи военных утомительно повторялся, но имел свой плюс, хозяин не заставил себя ждать.

Старшину порадовало, что встретили его неожиданно гостеприимно. Сидя за столом веранды, Прокопчук произнес хвалебную оду Ванюшину, слегка погладил словами Сасу, а затем плавно перешел к деловым предложениям. Сельские бизнесмены, во главе с хитромуд-

рым старшиной, увлеклись расчетами поставок, комфортно восседая за столом, ломаясь от таежных деликатесов.

Солнце не заметно клонилось к закату, все трое дружно вздрогнули от резкого звука клаксона. Командир прибыл, – понял Степан.

Он обратился к Гавриле: «Лейтенант здесь, давайте за одно о постое договоримся, может Ивану гостевой дом по нраву придется. Пусть ваши люди ему покажут, а уж решать Баринов будет».

...Комвзвода волновался не на шутку, пока ждал Прокопчука. Все-таки, недавно территорию освободили, мало ли что. Он организовал задуманную поездку за дровами, отрядил солдат вымыть баню и прачечную, связался со штабом, поговорил с полковником. Даже сделал всю ненавистную отчетность – Степан не появлялся.

И только вернувшиеся с задания Ельцовы успокоили комвзвода: «Лейтенант, не волнуйтесь, старшина заседает у Ванюшина в усадьбе. Федор был там, лично видел.»

Егор доложил, как устраивали псевдопакгауз: Федор дергался, плакала ничего не понимающая Агриппина, солдаты усердно очистили от сена амбар, перетрясли все. Ельцовы золото не нашли.

Вдова успокоилась, когда увидела, как тщательно военные скирдовали сено и обещали все вернуть на свои места после того, как договорятся о постоянном складе для оружия. Федор, прижатый к стенке, охотно подыграл, сходил к Ванюшиным, чтобы переговорить со старостой села насчет постоянного склада. На обратном пути, Григорий умело расколол разведчика, тот во всем сознался.

Получается чернявый казачок, предположительно Василий, золото перепрятал. Вопрос: куда? Командиры понимали, следствие зашло в тупик. Решили, что утро вечера мудренее и перенесли вопрос на завтра. Покончив с назойливыми мелочами, Баринов сел в отмытый ординарцем до блеска «виллис» и Петюня степенно повез комвзвода к усадьбе Ванюшиных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.